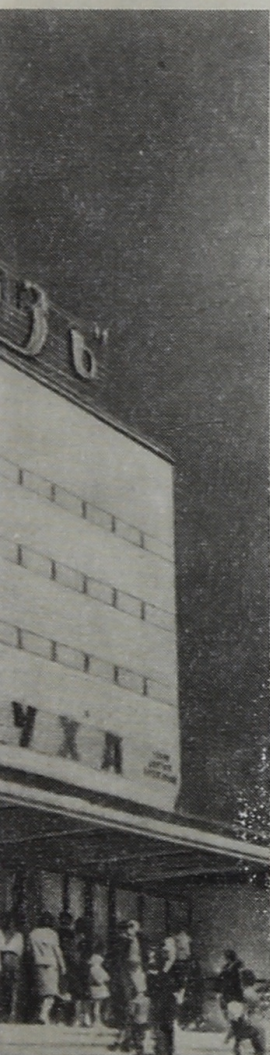

БИОГРАФИЯ КРАЯ МОЕГО

14.679к

БИОГРАФИЯ КРАЯ МОЕГО

ВЕРХНЕ-ВОЛЖСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ЯРОСЛАВЛЬ 1967

Б.4

--2010

Поэт прожил всего двадцать два года. Он не успел опубликовать при жизни по существу ни одного стихотворения. Несмотря на это, он был одним из наиболее одаренных, самобытных поэтов предвоенного времени. Николай Майоров родился поэтом, природа открывала ему свои краски, запахи, звуки.

В 1937 году вчерашний ивановский школьник Николай Майоров стал студентом исторического факультета МГУ. Одновременно он посещал поэтический семинар Павла Антокольского в Литературном институте.

В тяжелые для Москвы дни Майоров ушел добровольцем на фронт и не вернулся...

Родина помнит замечательного поэта и воина Николая Майорова, отдавшего за нее свою жизнь.

Именем Майорова названа одна из улиц города Ивановна, оно присвоено и пионерской дружине школы, в которой учился поэт.

Живут, волнуют читателя стихи Николая Майорова, написанные влюбленным, щедрым сердцем сына России.

МЫ

Это время
трудновато для пера.
Маяковский

Есть в голосе моем звучание металла.
Я в жизнь вошел тяжелым и прямым.
Не все умрет. Не все войдет в каталог.
Но только пусть под именем моим
Потомок различит в архивном хламе
Кусок горячей, верной нам земли,
Где мы прошли с обугленными ртами
И мужество, как знамя, пронесли.

Мы жгли костры и вспять пускали реки.
Нам не хватало неба и воды.
Упрямой жизни в каждом человеке
Железом обозначены следы —
Так в нас запали прошлого приметы.
А как любили мы — спросите жен!
Пройдут века, и вам солгут портреты,
Где нашей жизни ход изображен.

Мы были высоки, русоволосы.
Вы в книгах прочитаете, как миф,
О людях, что ушли, не долюбив,
Не докурив последней папиросы.
Когда б не бой, не вечные исканья
Крутых путей к последней высоте,
Мы б сохранились в бронзовых ваянях.
В столбцах газет, в набросках на холсте.

Но время шло. Меняли реки русла.
И жили мы, не тратя лишних слов,
Чтоб к вам прийти лишь в пересказах
устных

Да в серой прозе наших дневников.
Мы брали пламя голыми руками.
Грудь раскрывали ветру. Из ковша
Тянули воду полными глотками
И в женщину влюблялись не спеша.

И шли вперед, и падали, и, еле
В обмотках грубых ноги волоча,
Мы видели, как женщины глядели
На нашего шального трубоча.

А тот трубил, мир ни во что не ставя
(Ремень сползал с покатога плеча),
Он тоже дома женщину оставил,
Не оглянувшись даже сгоряча.
Был камень тверд, уступы каменисты,
Почти со всех сторон окружены,
Глядели вверх — и небо было чисто,
Как светлый лоб оставленной жены.

Так я пишу. Пусть неточны слова,
И слог тяжел, и выраженья грубы!
О нас прошла всесветная молва.
Нам жажда зноем выпрямила губы.

Мир, как окно, для воздуха распахнут,
Он нами пройден, пройден до конца,
И хорошо, что руки наши пахнут
Угрюмой песней верного свинца.

И как бы ни давили память годы,
Нас не забудут потому вовек,
Что, всей планете делая погоду,
Мы в плоть одели слово «Человек»!

1940

Я не знаю, у какой заставы
Вдруг умолкну в завтрашнем бою,
Не коснувшись опоздавшей славы,
Для которой песни я пою.
Ширь России, дали Украины,

Умирая, вспомню... И опять —
Женщину, которую у тына
Так и не посмел поцеловать.

1940

Валентин СОРОКИН

Памяти Н. Майорова

ВРЕМЯ

Есть припевы, ну а есть припевочки, —
Грохот века

им не по плечу...

Надоели мальчики и девочки,
Взрослости и мужества хочу!
За тоской,
За выпивкой,
За спорами,
За тягучим фарсом бытовым
Задолжал я здорово Майорову
И его погодкам фронтовым,

Тем, которых мы за пятилетками
Обласкать, как надо,

не смогли,

Тем, которых именуют предками
Хилые подкидыши земли.
А ведь им и до сегодня мается —
Раненным

и выжившим в бою...

Это мной впервые понимается,
Это я
навек признаю!

